

Час спустя Ли Цин, словно выброшенный на берег, лежал на смятых простынях.

Виски, поначалу казавшийся ласковым, теперь обжигал горло и расплзался жаром по венам, подогретый недавним душем.

Ли Цин, привыкший к изрядным возлияниям, не ожидал, что тело, в которое он попал, окажется столь восприимчивым к алкоголю. Жар душил его, заставляя сбросить одеяло.

В голове гудело от монотонной капли из душа, где всё ещё мылся мужчина.

Наконец, в ванной воцарилась тишина. Ли Хуайшэнь вошёл в комнату, облачённый в халат, и замер, увидев бесчувственное тело на кровати. Взгляд скользнул к дисплею кондиционера, и брови его сошлись в недоумении. «Почему ты раскрылся? И почему так холодно?»

«Жарко...» - пробормотал Ли Цин, отворачиваясь.

Ли Хуайшэнь коснулся его горячей шеи, заботливо поправляя одеяло. «Спи, отдохни».

Ли Цин медленно повернул голову, вглядываясь расфокусированным, пьяным взглядом в его лицо. В его глазах читалось что-то большее, чем просто опьянение. Внезапно он схватил его за руку и резко потянул вниз.

Ли Хуайшэнь, боясь причинить боль, подставил свободную руку, не позволяя себе упасть. «Сяо Цин?»

«Не называй меня так, - прошептал Ли Цин, утопая взглядом в глубине его глаз. - Тебе ведь больше нравится, когда я - Цинцин?» (Мой дорогой). Это интимное имя срывалось с губ мужчины лишь в моменты тревоги, выдавая скрытые чувства. Ли Цин крепче сжал его руку, ощущая легкое трение нежной кожи о свою.

Лицо Ли Хуайшэня оставалось невозмутимым, лишь напряженные вены на руке, удерживающей равновесие, выдавали внутреннее напряжение. Он старался говорить мягко: «Цинцин, ты пьян. Успокойся и спи».

«Разве пьяным быть плохо?» Ли Цин коснулся его губ кончиками пальцев, скользнул вниз, очерчивая линию кадыка. «Когда ты впервые привёз меня сюда, ты тоже хотел напоить меня, чтобы привязать к себе?»

Взгляд Ли Хуайшэня потемнел, но он промолчал, сдерживая бурю внутри.

Ли Цин усмехнулся, не отступая: «С самого начала ты не видел во мне номинального младшего брата, верно?»

«Цинцин, что ты пытаешься сказать?» - с трудом выговорил Ли Хуайшэнь.

Ли Цин не обратил внимания на его сдержанность, подаваясь ещё ближе: «После стольких дней... ты совсем меня не хочешь?»

Ли Хуайшэнь сжал его руку, стараясь не причинить боли. «Перестань меня дразнить».

«Дразню?» Ли Цин наклонился, обжигая его дыханием, коснулся подбородка и, наконец, остановился у самых губ. «...Я серьёзно».

Последние слова утонули в поцелуе.

Ли Цин предпочитал, чтобы всё шло своим чередом, но это не означало отсутствия желаний.

В конце концов, есть множество способов сблизиться, и всё не обязательно должно сводиться к оценке совместимости альфы и омеги.

Ли Хуайшэнь, казалось, прочитал его мысли, и сдержанность исчезла из его глаз. Он обхватил его затылок одной рукой, притягивая ближе, а другой – сжал талию, углубляя поцелуй.

«...Мх...»

Ли Цин почувствовал его силу и тихо застонал.

Этот звук словно поджёг фитиль. Ли Хуайшэнь улыбнулся сквозь поцелуй, приоткрывая его губы и вторгаясь внутрь.

Алкоголь разжёл страсть, высвобождая долго сдерживаемые эмоции. Ли Цин, отбросив стеснение, отвечал на его поцелуи с жаром.

Ему нравилась эта эмоциональная отдача, словно он мог выплеснуть все свои чувства на другого человека. Это был интимный, страстный обмен, бессловесная, чувственная битва. Звуки всхлипов и стонов, сдерживаемые губами и зубами, приобретали силу, превосходящую влияние алкоголя.

Внутри нарастало неприятное чувство нехватки воздуха. Ли Цин слегка приоткрыл глаза, в которых плескались невыносимое желание и безрассудство. Ему казалось, что он парит в облаках, но при этом отчаянно цепляется за халат мужчины.

«М-м...»

«Хватит...»

В конце концов, Ли Цин сдался.

Услышав его сбивчивое дыхание, Ли Хуайшэнь отстранился, борясь с собой.

Ли Цин смотрел на него затуманенным взглядом, осознавая поражение. Красные щеки выдавали смущение.

Он хотел выразить свои чувства, как и в прошлый раз, прижавшись друг к другу. Вместо этого поцелуй оказался настолько всепоглощающим, что чуть не лишил его жизни.

Ли Хуайшэнь коснулся влажных губ кончиками пальцев и прошептал на ухо: «Я не перейду черту, пока не получу твоего согласия».

«И дело не в том, что я тебя не хочу, – его низкий, хриплый голос заставил сердце Ли Цина бешено колотиться. – Просто я боюсь потерять контроль. И боюсь... что ты не сможешь остановиться».

«...»

Ли Цин потребовалось несколько секунд, чтобы осознать смысл этих слов.

Мочки его ушей вспыхнули. Он отвернулся, натянул одеяло на голову и свернулся калачиком. «Я устал! Спать!»

****

Три дня спустя Ли Хуайшэнь взял отпуск у своего отца, господина Ли, под предлогом возвращения в Китай для решения дел компании.

Он вернулся в Китай вместе с Ли Циню.

Оба путешествовали налегке, имея при себе только рюкзаки и не сдавая багаж в камеру хранения, что сэкономило им много времени.

Через панорамные окна VIP-прохода Ли Цин увидела вдалеке группу людей, несущих большие плакаты. Что особенно важно, многие из них также держали знамена и световые табло.

Однако в этот момент они постепенно разошлись.

Ли Цин прищурился и смутно различил очертания надписи на плакате — Шу Гэ.

В считанные секунды в его сознании вспыхнул образ Сун Цзяшу, и на лице появилась улыбка. «Похоже, они ждут Цзяшу?»

Ли Хуайшэнь остановился и бесстрастно ответил: «Пошли».

Увидев его выражение лица, Ли Цин сразу поняла, что происходит, и, улыбнувшись, наклонилась ближе: «Мы ещё не привыкли к разнице во времени, может, сначала сходим в город и поужинаем в каком-нибудь ресторане?»

Самолет прибыл в Сичэн в 7 вечера. Ли Цин опасался, что супруги Ли будут ждать их на ужин, поэтому он намеренно сообщил им дату приезда на день позже, и не спешил домой.

Ли Хуайшэнь встретил улыбающийся взгляд молодого человека, протянул руку и взял его рюкзак. "Хорошо".

Двое въехали на второй уровень многоуровневой парковки аэропорта.

Ли Хуайшэнь за день до этого поручил своему помощнику в Китае привезти его личный автомобиль. Не успели они даже найти место для парковки, как сбоку раздался удивленный голос: «Сяо Цин?»

Ли Цин узнала голос и обернулась. «Цзяшу, значит, ты действительно был здесь?»

Сун Цзяшу подошел, как обычно игнорируя стоявшего рядом Ли Хуайшэня, и с улыбкой спросил: «Похоже, тебя очень интересует мое расписание?»

«Нет, дело не в этом». Ли Цин знал о тайном флирте Сун Цзяшу, поэтому притворился, что ему противно, и объяснил: «Я просто увидел толпу девушек, и смутно догадался в чем дело».

Запахавшись, Геге вез тележку с багажом и сказал: «Господин Ли, давно не виделись».

«Привет», — поприветствовал его Ли Цин с улыбкой. — «Откуда ты приехал? Зачем ты везешь столько сумок? Где твои помощники?»

«Моя ассистентка заболела, поэтому я и вожусь с багажом». Гэгэ и Сун Цзяшу были очень хорошо знакомы друг с другом. Гэгэ указал на свой багаж и тут же начал жаловаться.

«Конечно, там полно сумок и пакетов! У нашего Суна, кинозвезды, нарядов больше, чем у некоторых знаменитостей женского пола».

Сун Цзяшу взглянул на своего агента и с улыбкой сказал: «Сяо Цин, не слушай глупости Лао Гэ. У меня две фотосессии для журналов, и мне пришлось вернуться со съемочной площадки на несколько дней. Это одежда, предоставленная брендом для этих съемок».

«Я понимаю».

Ли Цин ответил, и краем глаза вдруг заметил рядом с собой Ли Хуайшэня — тот молчал, опустив глаза, а на его лице читались холод и безразличие.

Тем не менее, Ли Цин всё ещё необъяснимо чувствовал ауру нетерпения, которая, казалось, говорила: «Когда же это закончится?»

Он был так занят обменом любезностями с Сун Цзяшу и остальными, что нечаянно забыл о мужчине.

Подумав об этом, Ли Цин почувствовал необъяснимую вину и прикрыл рот рукой: «Ну... уже поздно, мы с Хуайшэнем пойдем первыми».

Хуайшэнь?

Больше не называет его "Старшим братом"?

Услышав об изменении обращения, Сун Цзяшу нахмурился.

Гэгэ не заметил едва заметного изменения в выражении лица своего артиста. Услышав, что Ли Цин собирается уходить, он тепло предложил: «Господин Ли, куда вы направляетесь в городе? Мы можем подвезти вас?»

«Не нужно», — резко ответил Ли Хуайшэнь. «Мы сами поедem обратно».

<http://bllate.org/book/14669/1302422>